

Вера Терёхина

(Москва)

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ И ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН: МЕМУАРНАЯ ДУЭЛЬ

Воспоминания поэтов представляют совершенно особый вид мемуарной литературы. В них в разной степени, но неизбежно отражается присущее лирической поэзии сближение, иногда до полного отождествления, правды жизни и правды творчества: «жизнь и поэзия — одно!» В то же время опыт «самопридумывания», преобразования реальности, полученный при создании поэтического образа, существенно влиял на прозаические произведения избранных нами «мемуарников». Сопоставляя тексты, разные по жанрам и времени написания, можно проследить истоки некоторых, на первый взгляд, случайных, несправедливых, мистифицирующих суждений и оценок, которые привели Игоря Северянина и Георгия Иванова на грань «мемуарной дуэли».

Основные разногласия были связаны с интерпретацией краткого и бурного сотрудничества Георгия Иванова с группой эгофутуристов Игоря Северянина. Впечатления и факты изложены поэтами по-разному в лирических посланиях и воспоминаниях. К моменту знакомства в мае 1911 года Игорь Северянин, который был на семь лет старше Георгия Иванова, опубликовал около тридцати стихотворных брошюр, получил одобрительные отзывы и поэтические послания Константина Фофанова и критическое замечание самого Льва Толстого по поводу «Хабанеры II». Георгий Иванов тогда учился во втором Петербургском кадетском корпусе и дебютировал как поэт.

Вскоре их встречи стали постоянными, и потому Георгий Иванов, уехавший летом 1911 года, по словам Северянина, «к себе в Гедройцы», первым направил ему «Сонет-послание»:

Игорю Северянину

Я долго ждал послания от Вас,
Но нет его и я тоской изранен.
Зачем Вы смолкли, Игорь Северянин,
Там в городе, где гам и звон кирас?

Ночь надо мной струит золотой экстаз,
Дрожит во мгле неверный лук Дианин...
Ах, мир ночной загадочен и странен
И кажется, что твердь с землей слилась.

Звучит вдали Шопеновское скерцо,
В томительной разлуке тонет сердце,
Лист падает и близится зима.

Уж нет ни роз, ни ландышей, ни лилий;
Я здесь грущу и Вы меня забыли...
Пишите же, — я жду от Вас письма¹!

В сонете, опубликованном в первом сборнике Георгия Иванова «Отплытие на о. Цитеру. Поэзы» (СПб., Его, 1912), как и следовало ожидать, отразились традиционные поэтические эмоции и образы: ожидание, тоска, золотой экстаз, томительная разлука, грусть, сердце, лук Дианы, звон кирас, цветы, музыка... Много было созвучно северянинской лексике — «шопеновское скерцо», «ни роз, ни ландышей, ни лилий».

Ответный сонет Игоря Северянина не отличается стройностью (правильностью), его «раскачивает» разговорная интонация, инверсии, сдвиги синтаксических связей:

Георгию Иванову

Я помню Вас: Вы нежный и простой.
И Вы — эстет с презрительным лорнетом.
На Ваш сонет ответствую сонетом,
Струя в него кларета грёз отстой...

Я говорю мгновению: «Постой!»
И, приказав ясней светить планетам,
Дружу с убого-милым кабинетом:
Я упоен страданья красотой...

Я в солнце угасаю — я живу
По вечерам: брожу я на Неву, —
Там ждет грёзэра девственная дама.

Она — креолка древнего Днепра, —
Верна тому, чьего ребенка мама...
И нервничают броско два пера...²

Называвший себя «лирическим ироником», Игорь Северянин и в этом обращении к младшему коллеге не пренебрегает иронией и, что особенно важно, самоиронией («грёз отстой», «убого-милый кабинет», «девственная дама», «креолка древнего Днепра»). Всё, о чем упоминается в сонете, связано, в отличие от абстрактно-поэтической лексики Георгия Иванова, с образом жизни Северянина и очевидно известно его адресату. Но не Георгий Иванов на этот раз продолжил диалог, а критик, увидевший в сближении поэзии с прозой быта «безобразную маску», под которой «на пошлом быте ...сосредоточиваются творческие восторги поэта»³. Говоря об этом, Александр Амфитеатров выбрал в качестве примера именно этот сонет, помещенный последним в книге Северянина «Златолира» (1914) и посвященный, по словам критика, «какому-то г. Георгию Иванову». Стихотворение оказалось настолько «северянинским», что вызвало в Амфитеатрове желание вступить в спор и поразить автора его же оружием. Сонет-послание А. Амфитеатрова завершало его статью:

Читаю Вас: вы нежный и простой,
И вы — кривляка пошлый по приметам.
За ваш сонет хлестну и вас сонетом:
Ведь, вы — талант, а не балбес пустой!

Довольно петь кларетный вам отстой,
Коверкая родной язык при этом.
Хотите быть не фатом, а поэтом?
Очиститесь страданья красотой!

Французя, как комми на randеву,
Венка вам не дождаться на главу:
Жалка притворного юродства драма

И взрослым быть детинушке пора...
Как жаль, что вас, дитём, не секла мама
За шалости небрежного пера⁴!

Не лишне напомнить, что Игорь Северянин тщательно собирал все, независимо от содержания, отзывы о своем творчестве, издав в 1916 году сборник «Критика о творчестве Игоря Северянина», куда включил и статью А. Амфитеатрова.

В феврале 1912 года Северянин посвятил Георгию Иванову стихотворение «Диссона», — вошло в брошюру «Качалка грёзерки». Он словно сопоставляет его прежний образ («вы — милый и простой») с новым, когда юный поэт получил имя «Баронесса». Возникновение этого имени обычно связывают с происхождением матери Георгия Иванова из рода баронов Бир-Брау-Брауэр ван Бренштейнов⁵. Но этим объясняется титул, но не форма женского рода. Вероятно, были более очевидные поводы использовать столь яркое прозвище. Могла иметь значение юношеская мягкость черт, белизна кожи, едва знакомой с бритьем, невинность речи... В. Шкловский отмечал: «Часто заходил красивоголовый Георгий Иванов, лицо его как будто было написано на розовато-желтом курином, еще не запачканном яйце...»⁶. Однако помимо внешней женственности необходимо отметить известный интерес к гомосексуальности в среде молодых посетителей «Бродячей собаки», тех «кузминских мальчиков», к которым принадлежал, например, другой «эгист» — Всеволод Князев⁷.

О подобных «шалостях» вспоминала Вера Гартевельд, подруга той самой Паллады Богдановой-Бельской, которая часто будет появляться в мемуарной прозе Иванова: «Среди завсегдатаев <кабаре «Бродячая собака». — В.Т.> был знаменитый русский поэт Георгий Иванов, тогда совсем молодой человек семнадцати лет, который, однако, уже успел выпустить книжку стихов. Он был среднего роста, скорее тщедушный, с волосами, подстриженными челкой, которая закрывала лоб. Комната, где он жил, была как у девушки: постель покрывали белые кружева, туалетный столик украшен флаконами одеколона... Мой первый и единственный визит к нему домой происходил

так: он сразу прошел к туалетному столику, начал переставлять бывшие там флаконы и сказал между прочим: «Вот это — одеколон Кузмина». Поскольку я ничего не ответила, а на лице у меня ясно было написано, что его одеколоны меня не интересуют, он, помедлив, произнес: «А Вы не слышали, чтобы обо мне говорили, что я «такой»?..» Я довольно холодно ответила: «Нет, ничего подобного не слышала». Получив книгу, я с благодарностью откланялась»⁸.

В этом контексте не случайно стихотворение Игоря Северянина «Диссона» построено на двусмысленности, на «диссонансе» между мужским и женским, а «Ваше Сиятельство» оказывается в финале «супругой посла»:

Георгию Иванову

В желтой гостиной, из серого клена, с обивкою шелковой,
Ваше Сиятельство любит по вторникам томный журфикс.
В дамской венгерке комичного цвета, коричнево-белковой,
Вы предлагаете тонкому обществу ирисный кэкс,
Нежно вдыхая сигары эрцгерцога абрис фиалковый...

Ваше Сиятельство к тридцатилетнему — модному —
возрасту
Тело имеете универсальное... как барельеф...
Душу душистую, тщательно скрытую в шелковом
шелесте,
Очень удобную для проституток и для королев...
Впрочем, простите мне, Ваше Сиятельство,
алые шалости...

Вашим супругом, послом в Арлекинии,
ярко правительство:
Ум и талант дипломата суть высшие качества...
Но для меня, для безумца, его аристотельство,
Как и поэзы мои для него, лишь чудачество...
Самое ж лучшее в нем, это — Ваше Сиятельство⁹!

Январь 1912 года стал порой утверждения эгофутуризма, декларацию подписали вместе с Игорем Северяниным Константин Олимпов, Грааль-Арельский и Георгий Иванов. Вскоре Г. Иванов, тяготившийся атмосферой любительства в кружке Его и чуждый эпатажности, сблизился с Н. Гумилевым.

Объявленное Северяниным осенью 1911 года в «Прологе. Эгофутуризм» покорение литературы состоялось, «Эпилог Эгофутуризма» четко отразил эгоцентризм Северянина («я одинок в своей задаче», «Но сила моя единая росла», «Я изнемог от лстивой свиты»). «Автоода» и «Самогимн» Игоря Северянина обычно воспринимаются как художественное преувеличение, что отмечено и Георгием Ивановым. Но поэт со свойственной ему гиперболизацией излагал факты, ибо он действительно путешествовал от Баязета к Порт-Артуру в 1903 году, а «повсеградно оэкрашен» он был, например, в фильме по стихотворению «Ты ко мне не вернешься...» Его соратники-эгофутуристы — К. Олимпов, Грааль-Арельский, Г. Иванов, как точно отметил Северянин, «дав восторг, не дали сил». Напротив, Северянин им покровительствовал («я их приветил») и первая книга Г. Иванова «Отплытье на о. Цитеру» вышла под издательской маркой «Его» в декабре 1911 (на титуле — 1912).

Именно сознание «выдвига», т.е. выхода в большую литературу давало Игорю Северянину возможность спокойно распустить свою недолговечную литературную школу. Отметим в связи с этим обстоятельством неточности в комментариях тех строк «Эпилога», где говорится о распаде группы. Опираясь на позднейшие издания, В. Крейд, например, писал, что Северянин «зрил Иуду» в Георгии Иванове, тогда как при первой публикации строфа звучала вполне определенно:

Я — год назад — сказал: «я буду»,
Год отсверкал, и вот — я есть!
Я зрил в Олимпове Иуду,
Но не его отверг, а — месть¹⁰.

Затем Северянин счел возможным снять имя К. Олимова, который скандально оспаривал первенство в создании слова «поэза» и самого эгофутуризма, но был человеком больным, к тому же сыном любимого поэта К. Фофанова. Фамилии Г. Иванова и Грааля Арельского не назывались вовсе («бежали двое в тлен болот»), поскольку Северянин «отвергал месть» и сам объявлял о выходе из эгофутуристического объе-

динения на той же странице журнала «Гиперборей» (1912, №2, ноябрь), что и бывшие соратники.

«Эпилог «Эгофутуризм» датирован «24 октября 1912. Полдень». Тогда же было написано обращение, напечатанное спустя месяц в журнале «Гиперборей»:

«М.Г.

Господин Редактор!

Будьте добры, при посредстве Вашего уважаемого журнала, огласить следующее мое заявление:

Я вышел из кружка «Его» и больше не сотрудничаю в изданиях газеты «Петербургский Глашатай».

С уважением Игорь Северянин»¹¹.

Издатель журнала «Гиперборей» М.Лозинский 19 ноября 1912 года обращался к Грааль-Арельскому:

«Многоуважаемый Степан Степанович,

в выходящем на днях № 2 Гиперборея будут напечатаны письма в редакцию Игоря Северянина, заявляющего о своем выходе из кружка «Его» и о прекращении сотрудничества в изданиях «Петербургского Глашатай», и Георгия Иванова, при сем прилагаемое. Может быть, Вы присоедините к письму Г.Иванова Вашу подпись. В таком случае будьте добры сообщить мне об этом возможно скорее, чтобы не задерживать выхода номера»¹².

Таким образом, публикация писем о ликвидации эгофутуризма в журнале акмеистов была коллективной акцией, если не организованной Северяниным, то согласованной с ним. Нельзя не отметить также, что единственное известное нам письмо Северянина к Гумилеву датировано 20 ноября 1912 г. и является извинением за непринятый им визит, в ходе которого, вероятно, должны были обсуждаться вышеозначенные проблемы:

«Дорогой Николай Степанович!

Только третьего дня я встал с постели, перенеся в ней инфлюэнцу, осложнившуюся в ветроспу. Недели две я буду безвыходно дома.

Я очень сожалею, что не мог принять Вас, когда Вы, — это так любезно с Вашей стороны, — меня посетили: болезнь из передающихся, и полусознание.

Буду сердечно рад, если Вы соберетесь ко мне на этих днях.

Вообще, мне всегда радостно Вас видеть.

Уважающий Вас Игорь.

P.S. Мой привет Анне Андреевне»¹³.

Была ли та болезнь отчасти «дипломатической», неизвестно (в 1927 году Северянин объяснял ее нежеланием идти «в ученики» к Гумилеву). Вскоре, в интервью Северянин, говоря о своем творческом пути, не преминул иронически отметить: «“Акмеизм” возбуждает у меня хохот: какой же истинный поэт не акмеист?!..

Ведь так можно и “Соловьизм” изобрести! Смешит меня и “Цех поэтов”, в котором положительно коверкают начинающих. Вообще, этот “Цех” — выдумка никчемная. Я называю его “обезьянизмом”. Сухо, бездушно, посредственно в нем всё»¹⁴.

Так завершается эгофутуристический период Игоря Северянина и Георгия Иванова, рассмотренный в синхронном отображении, близком реальному ходу вещей. Эти факты не сразу стали материалом для дискуссий. Впервые об этом периоде Игорь Северянин напоминал читателям в 1924 году, в рецензии «Успехи Жоржа» («Сады» Георгия Иванова):

«В мае 1911 года пришел ко мне познакомиться юный кадетик — начинающий поэт. <...> Был он тоненький, щупленький. Держался скромно и почтительно, выражал свой восторг перед моим творчеством, спрашивал, читая свои стихи, как они мне нравятся»¹⁵. Далее в мемуарной по сути рецензии Игорь Северянин отмечал в стихах Г. Иванова «кое-что свое, свежее и приятное», схожее со «стихами новоявленной поэтессы» Анны Ахматовой.

Вполне объективно изложено и дальнейшее: «Принял молодого человека я по своему обыкновению радужно, и он стал частенько у меня бывать. При ближайшем тщательном ознакомлении с его поэтическими опытами я пришел к заключению, что кадетик, как я и думал, далеко не бездарен, а наоборот, обладатель интересного таланта»¹⁶.

Без тени раздражения вспоминает поэт: «...решил основать в России Академию Эгофутуризма, и мой милый мальчуган принял в ней живейшее участие, вступив в ее ректорат. Всего в нем было четверо: я,

Иванов, Арельский и Олимпов, сын уже покойного в то время Фофанова»¹⁷.

Говоря о книге Г. Иванова «Сады» как о книге мудрого поэта, Северянин восклицал: «О, милый Жорж, как я рад вашим успехам!» И повторял слова своего ответного сонета: «Я помню вас. Вы нежный и простой...»¹⁸.

Отметим, что рецензия появилась раньше, чем начали печататься воспоминания Георгия Иванова из цикла «Китайские тени» в парижском «Звене» в июне 1924 г. и, следовательно, не имела полемической цели. Кроме того, Игорь Северянин был в 1922-1923 гг. сосредоточен на создании автобиографических романов в стихах «Падучая стремнина», «Колокола собора чувств», «Роса оранжевого часа».

Попутно сделаем еще одно уточнение относительно заглавия цикла мемуарных очерков «Китайские тени». В. Крейд пишет о возможном заимствовании его у А.Н. Толстого, опубликовавшего сборник «Китайские тени». Однако близкий образ, связанный с китайским театром теней, причем во французском «преломлении», и относящийся непосредственно к мемуарам, находим в стихах Георгия Иванова из книги «Сады» (1921):

Как разрисованные веера,
Вы раскрываетесь, воспоминанья...
(«В меланхолические вечера...»)

Само же название всего скорее пришло из «Поэмы гашиша» Бодлера, центральная часть которой так и называется: «Китайские тени».

Северянин сравнивал воспоминания с «уснувшими вёснами», и, надо признать, не преуспел в этом жанре. В заметке «Шепелявая тень» он пытался всерьез по пунктам опровергать беллетризованные, рассчитанные на широкий круг читателей повествования Г. Иванова.

Полемика возникла в 1927 году после заключительных публикаций цикла «Китайские тени», где речь шла об Игоре Северянине и его круге в интерпретации Г. Иванова. Впрочем, Северянина могло неприятно удивить отсутствие его имени в первых главах и

заявление автора о том, что годом его вступления в литературу был конец 1912-го, вступление в «Цех поэтов», а не период эгофутуризма. Г. Иванов писал: «В начале 1911 года, когда Игорь Северянин из своего знаменитого четверостишия — Я, гений Игорь Северянин... — мог с легким сердцем (что он и делал на все лады) «утверждать» только содержимое первой строчки, ибо победой упиваться было пока не с чего — будущего мимолетного «властителя дум» медичек и бестужевек еще никто не знал...»¹⁹.

Подобные иронические замечки вызвали у Игоря Северянина раздражение и кроме самооправданий им был написан сонет «Георгий Иванов», вошедший в книгу «Медальоны», неудачный, как и сатира «Парижские Жоржики», прежде всего нарушением того этического канона, который существовал в «Эпиллоге»: «...но не его отверг, а месть». Мстительность некрасива в сонете, где разрушается образ, созданный им в 1911 году и оживший вновь в 1924-м:

Во дни военно-школьничьих погон
Уже он был двуликим и двуличным:
Большим льстецом и другом невеличным,
Коварный паж и верный эпигон²⁰.

Вместо «вздрагивающих перьев» — перо, истекающее гноем...

Наконец, в заметке «Новая простота...» (1927) Северянин бросает вызов Георгию Иванову, поясняя, что заступает за их общую знакомую Кармен, Карменситу: «Да будет известно г. Иванову, что эта «женщина лет сорока со смуглым лицом, странным и не без прелести, гуляющая по вечерам между Коломенской и Пушкинской», была в 1912 году восемнадцатилетней высоконравственной и порядочной девушкой, скончавшейся в 1914 году. Фраза же: «гуляющая по вечерам между Коломенской и Пушкинской» может быть понята мною как *петербуржцем, только и исключительно в одном-единственном смысле*.

На подобные же фразы я привык отвечать мужчине лично, что конечно и сделаю при первой же — возможно скорой — встрече с Г. Ивановым»²¹.

Они не увиделись, дуэль была литературной. Сле-

ды их заочной дискуссии видны в работе Г. Иванова над книгой воспоминаний.

В «Петербургских зимах» страницы, посвященные Северянину, меняются. Иронический тон соединяется с повествовательным, местами с оттенком ностальгии. Добавлены строки, характеризующие заслуги Игоря Северянина, внимание к нему Ф. Сологуба, В. Брюсова. Возможно, прислушавшись к замечаниям старшего поэта, Г.Иванов снял рассказ о Карменсите и П. Ларионове (Перунчике), сократил эпизоды с И. Игнатьевым.

Но как бы ни сближались представления «мемуарника» с реальностью, нас продолжает интересовать и волновать именно тот, существующий в большей или меньшей степени, зазор, через который до нас доходит неповторимое ощущение прошлого. В случае Георгия Иванова он особенно широк.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прокофьев Д. Словарь литературного окружения Игоря-Северянина в 2-х т. Псков: Изд-во ООО «Гименей», 2007. С. 18.

² Северянин И. Сочинения в 5-ти т. Т.4./ Сост., подгот. текста В.А. Кошелева, В.А. Сапогова. СПб.: 1996. С. 347.

³ Северянин И. Царственный паяц: Автобиографические материалы. Письма. Критика о творчестве И.Северянина. / Сост., вступ. ст., коммент. В.Н.Терёхиной, Н.И.Шубниковой-Гусевой. СПб.: Росток, 2005. С.376.

⁴ Там же. С. 377.

⁵ Тименчик Р. Г.В. Иванов. Русские писатели. 1800-1917. Т.2. М., 1992. С. 377.

⁶ Шкловский В. Жили-были. М.: Сов. писатель, 1966. С.80.

⁷ Тименчик Р. Рижский эпизод в поэме без героя Анны Ахматовой // Даугава. 1984. №3. С. 113-121. Коваленко С. Петербургские сны Анны Ахматовой. СПб.: Росток, 2004. С. 306-307.

⁸ Терёхина В. Коломбаина 10-х годов // Literarus (Helsinki). 2004, №6. С. 12.

⁹ Северянин И. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы. (Литературные памятники). / Сост., вступ. ст., коммент. В.Н. Терёхиной, Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Наука, 2004. С. 520.

¹⁰ Там же. С. 549.

¹¹ *Северянин И.* Царственный паяц: Автобиографические материалы. Письма. Критика о творчестве И. Северянина. С. 96.

¹² *Северянин И.* Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы. (Литературные памятники). С. 613.

¹³ *Северянин И.* Царственный паяц: Автобиографические материалы. Письма. Критика о творчестве И. Северянина. С. 97.

¹⁴ Там же. С. 36.

¹⁵ *Северянин И.* Сочинения в 5-ти т. Т.5. С. 68.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 70-71.

¹⁹ *Иванов Г.В.* Собрание сочинений в 3-х т. Т.3. М.: Согласие, 1994. С. 301.

²⁰ *Северянин И.* Сочинения в 5-ти т. Т.4. С. 347.

²¹ Там же. Т.5. С. 77.